

ЛОКАРМЕН

РАСКРЫТЬ

Лазарь Кармен

Маленький человечек

В Одессе нет улицы Лазаря Кармена, популярного когда-то писателя, любимца одесских улиц, любимца местных «портосов»: портовых рабочих, бродяг, забияк. «Кармена прекрасно знала одесская улица», – пишет в воспоминаниях об «Одесских новостях» В. Львов-Рогачевский, – «некоторые номера газет с его фельетонами об одесских каменоломнях, о жизни портовых рабочих, о бывших людях, опустившихся на дно, читались нарасхват... Его все знали в Одессе, знали и любили». И... забыли?..

Он остался героем чужих мемуаров (своих написать не успел), остался частью своего времени, ставшего историческим прошлым, и там, в прошлом времени, остались его рассказы и их персонажи. Творчество Кармена персонажами переполнено. Он преисполнен такой любви к человекам, грубым и смешным, измороженным и мечтательно изнеженным, что старается перезнакомить читателей со всем остальным человечеством.

Лазарь Кармен Маленький человечек

Это маленький, совсем маленький человек.

— Я ведь что?! Человечек без всякого образования, маленький!

Вот обычные слова этого человека.

И он старается это заметить вам на каждом шагу, так что вам становится даже неловко.

Впрочем, таковы уж все эти честные, скромные маленькие человечки, выполняющие подчас самые великие миссии.

Зовут его Василием Неоновичем Мамонтовым.

Честный, исполнительный, он был раньше простым рядовым, а потом определен начальством в фельдшерские ученики при лазарете.

Полуграмотный рядовой всею душой привязался к своему делу. Он успевал больше всех и тверже запоминал лекции доброго полкового доктора.

Медицина сделалась его кумиром.

Сознавая свое ничтожество, солдат чах, проводя бессонные ночи за латынью.

Через два года рядовой с успехом выдержал экзамен на младшего медицинского

фельдшера.

Фельдшер продолжал работать с большим рвением и жаром.

Лазарет сделался для него тесным, так как двое или трое хронических больных, вечно находящихся в лазарете, не могли удовлетворить любознательного фельдшера, и он стал отлучаться в город.

Частые отлучки его обратили внимание доктора.

– Куда ты?! То вчера удрал, то сегодня! – спрашивал часто доктор.

Фельдшер краснел и заикался.

А куда он удирал – мы сейчас узнаем.

Он удирал в Массовский приют.

Здесь у него была своя небольшая комнатка со всеми необходимыми предметами: бинтами, марлей и проч., и к нему по очереди входили ночлежники.

Одному он обмывает рану и наложит повязку, другому загипсует руку, третьего, измерив у него температуру, отправит в больницу.

По окончании службы фельдшер был приглашен в Приморский приют, в порт.

Порт был тогда в страшном запущении. Са-

нитарный надзор отсутствовал, отсутствовал и амбуланс, и смертность поэтому там была сильно заметна.

Много огорчений пришлось испытать «маленькому человечку».

При наличии самых ничтожных средств он устроил амбуланс, снабдил его необходимой мебелью, фельдшерским набором, небольшой аптечкой и, благословясь, начал.

Фельдшер не мог жаловаться. В первый год его посетило свыше пяти тысяч народу.

Он работал сильно, борясь то с одной, то с другой эпидемией, борясь с дикими нравами и скептицизмом порта. И труды его не пропали даром.

Амбуланс, обязанный ему своим возникновением, явился новым маяком, засиявшим в порту ярче и светлее прочих.

И этот маяк, светоч, зажег в беспроглядном порту он – «маленький необразованный человек».

«Маленький человечек» очень популярен.

Стоит только пройтись по порту, и вы в этом убедитесь.

О нем не иначе говорят, как: «Наш фельдшер, дай ему бог здоровья!»

И всякий, как бы пьян он ни был, завидя его, спешит вытянуться в струнку.

– Здравия желаем!

Восемь приютов в порту, и все находятся в ведении фельдшера.

В одиннадцать часов вечера, а иногда и в полночь, по окончании работ в амбулансе, вы его встретите пробирающимся по Таможенной площади в своем неизменном картузе и темном пальто, из-за ворота которого выглядывает холщовая, повязанная шнурком сорочка.

Торопливой походкой он переходит из одного приюта в другой.

Дикарь, надо вам знать, предубежден против всякого врачевания.

Пусть у него тиф, плеврит, все что угодно, пусть он изображает собой ходячую больницу – он и в ус не дует. Он не изменяет своего ужасного образа жизни, работает, пропивает заработанное и валяется в грязи у обжорки.

– Все равно, не нынче-завтра на мраморном столе буду! [1]

Фельдшер поэтому является добрым санитаром.

Полночь. Лампы в приютах прикручены. Все спят.

Фельдшер тихо пробирается меж коек по полуосвещенному приюту.

Он скользит как тень, подолгу останавливаясь над каждым спящим.

Один лежит, разметавшись, и бредит. Лицо у него красное. Фельдшер достает термометр, нагибается и измеряет температуру. Сорок градусов.

Фельдшер зовет сторожа и больного отправляет в больницу.

Фельдшер продолжает обход дальше.

Здесь, в углу, кто-то стонет, там мечется горячечной больной, раздирая на себе сорочку, а еще дальше кто-то истекает кровью. И он, этот честный санитар, подбирает всех без исключения.

Будучи предубежденным против медицины, дикарь особенно предубежден против больницы.

– А ну ее! – отмахивается он руками, когда

заговорят о ней.

Больница, по его мнению, – тюрьма, застенок.

– Там и табаку негде достать, и водки!

И чего только они не делают, чтобы не угодить в больницу. Они прибегают к самым курьезным уловкам.

Фельдшера встречают постоянно в приюте невообразимым шумом.

– Фельдшер идет, фельдшер!

– Добрый вечер, ребята, кто болен – откройся!

– Все здоровы! – отвечают дикари хором.

– Чувствительно благодарим, вашими молитвами! – отзывается один шутник.

Но фельдшер не доверяет им и начинает обход.

– Эй, пс! Куда?! – останавливает он старающегося улизнуть ночлежника.

Тот заикается.

– Стой, брат!

Лицо у ночлежника так и пышет жаром.

Фельдшер расстегивает ему ворот и сует термометр под мышку.

– Да тебя, брат, в больницу отправить на-

до! У тебя жар!

– Не хочу! Вы уж лучше дайте мне каких-нибудь порошков или капель!

– Что ты! – урезонивает его фельдшер. – Какие капли! Ступай, там тебя вылечат.

– Да мне на работу завтра!

– Ты что же, – начинает сердиться фельдшер, – заразить всех людей хочешь!

– У меня и квитанции больничной-то нет! – продолжает изворачиваться дикарь.

– Дам записку, и пустят! Ну, будешь рассказывать! – выходит из себя наконец фельдшер. – Иван, возьми его!

И сопротивляющегося дикаря выпроваживают.

Бывают и такие анекдотичные случаи.

Приходит в амбуланс тряпичник.

– Дайте, – говорит он, – лекарства, только скорей – некогда.

А у самого – тиф.

Фельдшер пускается на хитрость.

– Обожди, брат, сейчас получишь! – И сам садится писать отношение в больницу.

Тот начинает ерзать. Догадался, видно.

– Господин фельдшер, мне бы на минуту

на двор, – просит он.

– Ступай, только смотри приходи сейчас!

– Сейчас, господин фельдшер!

Проходит час-два. Дикаря нет. Фельдшера начинает мучить совесть.

– Упустил его! Теперь пойдет, ляжет и перезаразит всех.

И, напялив на себя пальтишко, он отправляется в поиски.

Он ищет беглеца по приютам, харчевням и каждого встречного опрашивает:

– Видали вы такого-то?

– Нет! – отвечают ему.

– Если увидите его, тащите ко мне!

Но напрасно! Точно провалился человек. А, глянь, через день-два в приюте сразу заболели еще трое тифом.

Совесть начинает мучить сильнее честно-го фельдшера. Он инстинктивно чувствует и догадывается, откуда исходит зараза.

– Надо во что бы то ни стало, – решает он, – изловить беглеца!

– Вы кого, господин фельдшер, ищете?! – подворачивается ему бойкий стрелок.

– Рыжего, Петрова!

– Да он на море ракушки ловит! Идемте!
Фельдшер идет с ним.

И что же?! Сидит себе этот самый Петров с повышенной температурой на набережной, свесил над водой свои босые ноги и чистит длинным крючком сваю. [2]

А возле него – шапка с ракушками.

– Наконец-то нашел тебя! Ах ты, разбойник! – восклицает фельдшер.

А тот как вскочит, как бросится вдоль мола к эстакаде.

– Держи его! – кричит фельдшер.

Рыжий летит, перепрыгивая через тюки, бочки с канифолью и ящики, вырываясь из дружеских объятий, простираемых ему по пути усатыми стражниками и гогочущими биндюжниками. Но под эстакадой его задерживают.

И берут раба божьего Петрова, усаживают его в дрожки и увозят в больницу.

Фельдшер после этого вздыхает свободнее...

Больше всего возни фельдшеру с повторными.

Вы имеете понятие о повторных?

Если вы поранили, например, палец, вы идете к врачу. Врач делает вам перевязку. Несколько перевязок, и вы застрахованы от гангрены.

В порту не то.

Является в амбуланс дикарь и стонет. У него на ноге – рана.

Фельдшер тщательно промывает ее, накладывает повязку и говорит:

– Приди завтра.

– Ладно!

Но дикарь целый месяц не кажет носа. Он наконец является.

– Как рана?

– Ой!...

Фельдшер обнажает ее и видит сильное нагноение. Ногу от нагноения даже вздуло.

Фельдшер опять промывает рану и накладывает повязку.

Дикарь уходит и к вечеру, выпив, вываливается в грязи. Повязка сползет и загрязнится. И так без конца.

Вот вам и повторный, вечно перевязывающийся и досаждающий фельдшеру!

И таких повторных в порту масса.

Обилие повторных можно объяснить частью нуждой, частью пьянством.

Впрочем, нужда – главный поставщик повторных.

Дикарь, как бы он ни был болен, работает. Да иначе и нельзя. Кто его кормить будет?

Приходит однажды к фельдшеру с раной на голове угольщик.

Фельдшер, по обыкновению, промывает ее и накладывает повязку.

– Василий Неоныч! – просит больной.

– Что?!

– Нельзя ли полегче повязку-то?!

– Как?! Ведь надо, чтобы воздух не проходил.

– Да вы, право, легче! А то меня не возьмут на работу! Больной, скажут!

– Хорошо! Я легко перевязал, только будь завтра! Слышишь?!

– Слышу!

Но он приходит не завтра, а через месяц.

– Ну-ка, покажи свою голову.

Угольщик показывает. И о ужас! Форменная рожа

у него на голове. Она захватила всю воло-

сяную область и ползет на лицо и шею.

Надо видеть фельдшера за работой, в амбулансе.

Как он возится с больным! Он обмывает ему грязную, черную, пять лет, быть может, не мытую ногу, скоблит ее, пока не покажется человеческая кожа и не обнаружит страшную, шириною в кулак, язву.

И, дезинфицируя ее, он приговаривает:

– Говорил, будет худо, а ты не слушал. Помни, пропадет твоя нога, останешься ты калекой. Будь человеком и явись завтра! Я перемену повязку. Я ведь, чудак ты человек, для твоей же пользы.

От него фельдшер переходит к другому больному.

– Вот тебе порошки. Наведайся-ка ко мне денька через два.

– Что тебе? – спрашивает он третьего.

– Мне бы хинину, Василий Неонович.

– Как?! Я ведь тебе дал вчера хинину!

– Да у меня украли его.

– И вечно у тебя крадут! На! Смотри, чтобы это в последний раз!

Порт, как видите, обширная больница. Хо-

дядя.

Ходят себе здесь люди и в снег, и в дождь, кто с острым воспалением кишок, легких, кто с плевритом, кто с тифом и инфлюэнцей.

И живут они!

«Маленький человечек» нередко над этим задумывается. Как понять, например, такое явление?!

Взял он раз больного и измерил его температуру. У больного оказалось тридцать девять градусов с чем-то.

Больной, как водится, отправить себя в больницу не дал. И фельдшер махнул на него рукой.

– Не набросить же на него аркан и волочить его в больницу.

Через несколько недель фельдшер встречается его.

Тот смеется, бодрый, веселый такой, и как гаркнет:

– Здравия желаем!

– Что за оказия?! Ты?! Сидоров?! – делает большие глаза фельдшер.

– Так точно!

– Как же это ты, скажи на милость, выле-

чился? У тебя ведь тиф был?

– Как?! А... монополькой!

Есть тут над чем призадуматься! Не так ли?!

Фельдшер кончает свою работу поздно. Надо ведь всех больных принять, опросить и зарегистрировать их в книгу.

Фельдшера часто прерывают и зовут в приют.

Кто-то перепился. Лежит, уткнувшись в матрац носом, и вокруг него – лужа.

Фельдшер вытирает его лицо, очищает рот от слизи и дает ему освежающих капель.

Бывает, фельдшер покончил со своей работой. Он убрал уже инструменты, спрятал бинты, книги, потушил лампы и направился к дверям.

Вдруг вваливается субъект.

– Василий Неонович! Сделайте милость! Перевязочку!

– А ты где был раньше?

– Виноват!

Фельдшер снова зажигает лампу, открывает шкаф, вынимает инструменты и делает ему перевязку.

Дикари, несмотря на всю любовь к фельдшеру, не прочь иногда подшутить над ним. Зовут его, например, наверх. Человек, говорят, отходит.

Фельдшер бежит.

И видит он – лежит субъект, болтает ногами и орет:

– Ой, ой! Колет! Отправьте меня в больницу.

А вокруг хохочут.

Фельдшер догадывается о шутке и вспыхивает:

– Ты что же это дурака строишь?!

Субъект вскакивает с матраца, смеется и просит:

– Дайте, господин фельдшер, на монополию!...

Так работает в порту этот «маленький человечек», этот большой человек!

Примечания

1

В анатомическом покое. (*Прим. автора.*)

[^^^]

2

Ракушки лепятся вокруг свай. *(Прим. автора.)*

[^^^]